

Е. Д. Браун

ORCID: 0000-0002-3553-0541

✉ braun-helen@yandex.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв.

Аннотация. История трансформации представлений о Войнах Роз изучена несколько поверхностно. Известно, что в XVI в. был создан так называемый тюдоровский миф, в рамках которого противостояние Йорков и Ланкастеров рассматривалось как полномасштабная гражданская война. Традиционно считается, что в XVII–XVIII вв. представления о Войнах Роз не эволюционировали. Зато в XIX в. произошел качественный скачок — политически ангажированные представления тюдоровской эпохи заменило научное знание, начался коренной пересмотр привычных историографических теорий. Цель данной статьи — проверить устоявшуюся точку зрения. Проведенный анализ показал, что трансформация образов Войн Роз в исторической памяти англичан была плавной, а не прерывистой. В течение XVII–XVIII вв. началась реабилитация основных участников конфликта, его хронологические рамки были сужены с 1399–1485 до 1450–1485 гг., наконец, Войны Роз перестали считать самым кровавым и неприятным отрезком английской истории. Изменения XVII–XVIII вв. подготовили почву для дальнейшей эволюции взглядов на указанный конфликт и стали фундаментом для исторических построений исследователей XIX столетия.

Ключевые слова: Войны Роз, историческая память, Йорки, Ланкастеры, британская историография XVII–XVIII вв.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Браун Е. Д. История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв. // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 148–170. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-148-170>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 14 февраля 2023 г.*

E. D. Braun

ORCID: 0000-0002-3553-0541

✉ braun-helen@yandex.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

HISTORY OR POLITICS? IDEAS ABOUT THE WARS OF THE ROSES IN 17th–18th-CENTURY BRITAIN

Abstract. The transformation of ideas about the Wars of the Roses in British historical memory has been studied insufficiently. It is believed that the 17th–18th centuries were an era of stagnation, when this conflict was interpreted in the way of Shakespeare’s “Historical chronicles”. The 19th century, on the contrary, was marked by a revolution in historical thought. The purpose of this article is to test the established point of view. The analysis showed that the transformation of the images of the Wars of the Roses in the historical memory of the British was smooth, not intermittent. During the 17th–18th centuries the rehabilitation of the main participants in the conflict began. For example, Richard III was no longer considered a monster and a hunchback, and Margaret of Anjou lost her reputation as an ambitious and short-sighted woman and turned into a heroic defender of the rights of the Lancaster dynasty. The chronological framework was narrowed from 1399–1485 to 1450–1485, finally, the Wars of the Roses were no longer considered the bloodiest and most unpleasant segment of English history. Changes during the 17th–18th centuries paved the way for further evolution of views on this conflict and became the foundation for the historical constructs of 19th century researchers.

Keywords: Wars of the Roses, historical memory, House of York, House of Lancaster, British historiography of the 17th–18th centuries

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Braun, E. D. (2023). History or politics? Ideas about the Wars of the Roses in 17th–18th-century Britain. *Shagi / Steps*, 9(2), 148–170. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-148-170>.

Received December 4, 2022

Accepted February 14, 2023

Войны Роз — удивительный историографический феномен. Начнем с того, что сама концепция Войн, т. е. привычная нам трактовка политической истории Англии 1450–1480-х годов как единого периода братоубийственных смут, появилась благодаря сознательным, целенаправленным усилиям историков и пропагандистов XVI в. Современники событий не видели между ними связи, не считали происходившее единым конфликтом и тем более не подозревали, что в этой истории хоть как-то замешаны розы. В окончательном виде тюдоровский миф о Войнах Роз был зафиксирован на страницах «Исторических хроник» Шекспира. Принято считать, что шекспировская трактовка истории Англии второй половины XV в. продержалась необычайно долго — вплоть до середины XIX в., когда на смену мифу пришло объективное научное знание [Pollard 2013: 13]. Получается, что на протяжении двух с половиной столетий представления о Войнах Роз оставались настоящим оплотом стабильности. Революция и реставрация, огораживания и промышленный переворот, готическая литература и романтизм — все эти перемены будто бы никак не влияли на взгляды историков, продолжавших трактовать борьбу Йорков и Ланкастеров в духе «Исторических хроник». Данное небольшое исследование призвано проверить и по возможности уточнить указанную историографическую теорию.

Первое, что привлекает внимание любого исследователя, приступающего к реконструкции представлений о Войнах Роз, — крайне низкий уровень изученности историографического материала. История восприятия борьбы Йорков и Ланкастеров описана неравномерно. Значительное количество исследований посвящено отдельным аспектам формирования тюдоровского мифа [Levy 1967; Hanham 1975; Potter 1983; Carson 2018]. Взгляды историков XIX — начала XXI в. также изучены с достаточной полнотой. Однако между XVI и XIX вв. располагается настоящая «черная дыра». Необходимо подчеркнуть — не существует ни одной работы, в которой история представлений о политической борьбе XV в. реконструировалась бы от начала и до конца. Самое подробное, что можно найти на данный момент, — это историографические разделы обобщающих монографий о Войнах Роз, однако в них информация о XVII–XVIII вв. практически отсутствует.

Приведу конкретные примеры. Пожалуй, самым авторитетным исследованием по истории Войн Роз является неоднократно переиздававшаяся монография А. Дж. Поллард [Pollard 2013]. Глава, посвященная представлениям о борьбе Йорков и Ланкастеров — «Войны в истории» — занимает всего 16 страниц [Pollard 2013: 7–22]. Из них семь посвящены формированию мифа о Войнах Роз, девять — исследованиям XIX–XX вв. и половина абзаца — историографии XVII–XVIII столетий. В «Краткой истории Войн Роз» Д. Граммита переход от Шекспира к трудам историков середины XIX в. и вовсе происходит без всяких дополнительных связей — вслед за параграфом «Ранние исследования Войн Роз» следует «Войны Роз и профессиональная историография» [Grummitt 2014: xvii].

Нельзя сказать, что историографы вовсе не обращались к работам XVII–XVIII вв. Краткие упоминания об указанном отрезке иногда встречаются в биографических исследованиях. Однако единственными, кто занялся указанной проблемой фундаментально, стали защитники Ричарда III. Историки-ри-

чардианцы скрупулезно реконструировали эволюцию образа своего кумира в исторических сочинениях XVI–XX вв. [Kendall 1965; Murph 1977; Carson 2018].

Чтобы дальнейший анализ не повисал в воздухе, необходимо четче обозначить начальную и конечную точки исследования, т. е. рассмотреть особенности трактовки Войн Роз в исторических сочинениях XVI и XIX вв.

Историки, драматурги и пропагандисты, творившие в эпоху Тюдоров, считали, что политические катаклизмы длились целое столетие — с воцарения дома Ланкастеров в 1399 г. и до восшествия на трон первого Тюдора в 1485-м. Это время считалось самым ужасным и кровавым отрезком британской истории. Предполагалось, что основной пружиной конфликта была борьба за престол, спровоцированная свержением законного короля Ричарда II (1377–1399). «Действующие лица» этой грандиозной исторической драмы оценивались следующим образом. Главным злодеем считался узурпатор и детоубийца Ричард III, которого Шекспир назвал «уродом, горбатым телом и душой» [Shakespeare 1990. Part II, Act V, Scene 1]. Почетное второе место в ряду отрицательных персонажей занимала супруга Генриха VI Ланкастера Маргарита Анжуйская — властолюбивая, неумная женщина, чье вмешательство в политику привело к вспышке гражданских войн. Герцогу Ричарду Йорку, Эдуарду IV Йорку и Создателю королей Уорику отводилась роль положительных героев; считалось, что они заботились об общем благе и действовали справедливо [Браун 2016: 135–152].

В интерпретации историков XIX в. нарисованная Шекспиром картина изменилась почти до неузнаваемости. Прежде всего необходимо отметить, что именно в XIX столетии словосочетание «Войны Роз» стало общеупотребительным. Произошло это с легкой руки Вальтера Скотта. В романе «Анна Гейерштейнская, дева мрака» он назвал политические катаклизмы XV в. «войнами Алой и Белой Розы» (wars of the White and Red Roses) [Scott 1829: 74]. Хронологические рамки конфликта были сужены до периода военных столкновений (1455–1485 гг.). Трансформировалось и само понимание Войн Роз — их стали интерпретировать как кризис феодальной системы, затронувший преимущественно дворянство. Необходимо подчеркнуть, что борьба Йорков и Ланкастеров более не рассматривалась как самая черная страница в истории Англии, хотя эти годы все еще считались «отвратительными» [Green 1878: 299]. Образы «главных героев» претерпели заметные изменения — Ричард III утратил горб и прочие физические недостатки; защитникам короля удалось снять с него обвинения в смерти Генриха VI Ланкастера и Анны Невилл [Markham 1968]. Маргарита Анжуйская преобразилась в мужественную защитницу династических прав Ланкастеров. В популярной литературе ее и вовсе сделали воплощением семейных ценностей и истинного патриотизма [Scott 1829]. Графу Уорику повезло меньше. «Не вписавшийся в конституционную историю Англии» в ее викторианском понимании, он стал объектом самой жесткой критики [Stubbs 1897 (3): 212].

Важно отметить, работы историков XIX в. послужили фундаментом для построений современных исследователей. Это обстоятельство усиливает впечатление грандиозного исследовательского рывка, быстрой и триумфальной победы науки над давно отжившими литературными штампами. Однако если

обратиться к единственной более-менее изученной главе представлений о Войнах Роз — к истории восприятия Ричарда III — революция превращается в эволюцию. Сторонникам Ричарда III удалось показать, что XVII–XVIII столетия вовсе не были эпохой стагнации. Появился целый ряд оправдывавших короля работ, самыми заметными из которых стали книги Д. Бака (XVII в.) [Buck 1647] и Х. Уолпола (XVIII в.) [Walpole 1768]. Правда, оба автора были скорее любителями и энтузиастами, поэтому их взгляды фактически не повлияли на позицию профессиональных историков [Potter 1983: 156].

Думаю, для начала стоит проверить построения ричардианцев. Исторические сочинения XVII–XVIII вв. были исследованы ими с почти исчерпывающей полнотой, поэтому имеет смысл обратиться к другому виду источников, а именно к гравюрам и книжным иллюстрациям. В рамках данного исследования я работала с изображающими Ричарда III гравюрами из фондов Национальной портретной галереи (22 оттиска) и Британского музея (66 оттисков)¹.

К сожалению, атрибутировать все изображения вряд ли возможно. Дело в том, что в каталогах Британского музея и Национальной портретной галереи большинство таких экспонатов лаконично обозначено как «гравюры» с указанием даты поступления в коллекцию, размеров оттиска, художественной техники и другой малополезной для данного исследования информации (BM 1868,0822.2456; BM G,12.170; BM 1902,1011.1396 и т. д.). И лишь в трети случаев каталог уточняет, что перед нами книжная иллюстрация, опубликованная в конкретном издании. Если обобщить данные, получится, что книги, гравюры из которых оказались в указанных музейных фондах, делятся на две примерно равные категории. Первая — это исторические сочинения; ко второй можно отнести работы по истории театра и издания пьес Шекспира.

Бесспорно, указанные выборки не являются исчерпывающими. Повидимому, формирование соответствующих коллекций в фондах Британского музея и Национальной портретной галереи носило случайный характер. Однако именно это обстоятельство позволяет считать эти подборки репрезентативными, более-менее верно отражающими общую канву представлений художников и иллюстраторов о внешности Ричарда III.

Попытаемся сопоставить данные текстовых и визуальных источников. Важнейшее «ричардианское» сочинение XVII в. — «История Ричарда III» антиквара² Джорджа Бака — было опубликовано в 1647 г. Бесспорно, главным обстоятельством, побудившим Бака взяться за перо, стало стремление оправдать своего прапрадеда Джона Бака, сражавшегося на стороне Ричарда III в битве при Босворте [Potter 1983: 161]. Однако нельзя сбрасывать со счетов изменившуюся политическую ситуацию. С уходом Тюдоров, кровно заинтересованных в сохранении образа Ричарда-монстра, барьеры, мешавшие независимым историческим изысканиям, были сняты. В книге Джорджа Бака Ричард III показан едва ли не идеальным государем — справедливым, доблестным, кристально честным, излишне милостивым к врагам и даже красивым

¹ При ссылке на гравюры будет указываться музейный номер экспоната.

² Имеются в виду историки-антиквары — люди, чьим хобби были сбор и описание различных «древностей». Антиквары не входили в университетские сообщества, их работы обычно были написаны крайне сухо и не пользовались большим успехом.

Ил. 1. Ричард III, король Англии. Гравюра. Неизвестный автор. Начало XVII в. Британский музей, Лондон. BM 1868,0822.2455

Fig 1. Richard III, King of England. Print made by Anonymous. Early 17th century The British Museum, London. BM 1868,0822.2455

[Buck 1647: 79]. Последнее обстоятельство особенно важно, так как граверы поневоле вынуждены были раскрывать образ короля через внешность.

Нельзя не отметить, что написанное Баком разительно отличалось от существовавшей на тот момент письменной традиции, в том числе в области трактовки внешности Ричарда III. Пожалуй, ярче всего этот тезис иллюстрирует «Церковная история Британии» Томаса Фуллера. Епископ Фуллер не просто посчитал исторические построения Бака «не заслуживающими ни малейшего доверия» [Fuller 1655: 197], но и приписал Ричарду III еще один физический недостаток — крупные, выпирающие зубы (prominent gobber-tooth) [Ibid.: 197]. Подчеркну, «зубастый» Ричард стал уникальной находкой епископа. Мне не удалось отыскать ни одного текста или рисунка, на котором присутствовала бы эта деталь. Применительно к теме данной статьи важен сам факт доработки визуального образа Ричарда III. По-видимому, в исторических текстах первой половины XVII в. шли два параллельных процесса: с одной стороны, появились первые сочинения, оправдывавшие этого короля, с другой — завершился начатый в тюдоровскую эпоху процесс его монстроизации.

Ил. 2. Ричард III. Портрет из собрания Общества антикваров
Неизвестный художник. 1516 г.

Fig 2. Richard III. Portrait from the collection of the Society of Antiquaries
Unknown artist. 1516

Визуальный материал дает очень похожую картину. В XVII столетии Ричарда III изображали очень по-разному. На основании имеющихся гравюр (в общей сложности это 29 оттисков) можно условно выделить три типа внешности короля. Первый из них — это мужчина средних лет с типично английским удлинненным лицом (ил. 1). Иллюстрации указанной группы (ВМ 1868,0822.2455; ВМ 1868,0822.2344; ВМ 1850,0223.357), по-видимому, восходят к портретам Ричарда III XVI в. [Portrait 1516; Portrait 1520] (ил. 2), более ранних изображений короля, к сожалению, не сохранилось. Важно подчеркнуть, что на анализируемых гравюрах отсутствует знаменитый горб Ричарда, который Шекспир описывал как «гору, взгроможденную на спину» несчастного монарха [Shakespeare 1990. Part III, Act III, Scene 2]. Возможно, гравёры ориентировались на портреты, где Ричард изображен с прямой спиной. До наших дней дошло только одно такое полотно, оно находится в собрании Общества антикваров [Portrait 1516]. Также нельзя исключить, что художники XVII в. сознательно предпочитали не рисовать горб (из уважения к королевскому сану Ричарда III или по каким-то иным соображениям).

Второй тип внешности Ричарда III уже являлся плодом воображения иллюстраторов. Это изможденный старик с запавшим беззубым ртом и огромным горбом (NPG D21256; NPG D23822; NPG D22809; NPG D21255; BM 1890,0415.171; BM L,77.18) (ил. 3). В лицах этих Ричардов при желании можно отыскать некоторое сходство с портретами XVI в., но в глаза бросается прежде всего явное увеличение возраста короля. Напомню, исторический Ричард III погиб в 32 года; на гравюрах рассматриваемой категории он показан минимум 60-летним. Третий тип и вовсе не имел ничего общего с обликом исторического государя — это круглолицый, дородный горбун с глазами навывкате (BM Gg,4F.68; BM 1864,0813.2) (ил. 4).

Ил. 3. Ричард III, король Англии. Гравюра Рейнолда Элстрака. 1618
Национальная портретная галерея, Лондон. NPG D21255

Fig 3. Richard III, King of England. Print made by Renold Elstrack. 1618. National Portrait Gallery, London. NPG D21255

Мне кажется, разнообразие внешности Ричарда III можно отчасти объяснить стоявшей перед иллюстраторами задачей. Вынужденные рисовать серии исторических миниатюр за сравнительно небольшую плату, они не всегда считали необходимым заботиться о точном сходстве. Широко известные особен-

Ил. 4. Ричард III. Гравюра Питера Вэндрэбэнка, 1674–1685
Британский музей, Лондон. ВМ Gg,4F.68

Fig 4. King Richard the IIIrd. Print made by Peter Vandrebanc. 1674–1685
The British Museum, London. ВМ Gg,4F.68

ности внешности Ричарда III (горб и общий отталкивающий облик) фиксировались, в остальном художники полагались на собственную фантазию.

В данном случае гораздо важнее подчеркнуть — описанные расхождения демонстрируют эволюцию в восприятии Ричарда III. Если для XVI столетия Ричард являлся ключевой исторической фигурой, в XVII в. он превратился в персонажа второго плана. Рискну предположить, что для большинства англичан образ этого короля был довольно туманным. 63% гравюров давали волю воображению: кто-то добавлял Ричарду несколько десятков лет жизни, чтобы его биография вместила все приписанные ему преступления; кто-то и вовсе рисовал некоего абстрактного горбуна. Важно отметить, что в 37% случаев Ричарда изображали физически здоровым, что категорически противоречило тюдоровскому мифу.

Чтобы понять, могли ли авторы этих 37% иллюстраций сомневаться в истинности темной легенды о Ричарде III, стоит обратиться к гравюрам XVIII в. Из 37 оттисков, иллюстрировавших книги, изданные в первой половине XVIII столетия, горб можно увидеть только на шести. То есть 83% гравюров пред-

почитали изображать Ричарда с обычной фигурой и, что немаловажно, столь же обычным лицом. Кроме того, на иллюстрациях анализируемого периода видимый возраст короля более-менее соответствовал историческому (ил. 5).

Ил. 5. Король Ричард III. Гравюра Джона Фабера. 1731
Британский музей, Лондон. ВМ 1868,0822.6119

Fig 5. King Richard III. Print made by John Faber the Younger
1731. The British Museum, London. ВМ 1868,0822.6119

В 1768 г. были опубликованы «Сомнения историков, касающиеся жизни и правления короля Ричарда Третьего» Хораса Уолпула [Walpole 1768]. Уолпул атаковал тюдоровский миф пункт за пунктом, опираясь на документы XV в., решительно расхопившиеся с политически ангажированными сочинениями XVI столетия. Неудивительно, что для ричардианцев это по-настоящему культовое сочинение. Тем не менее принято считать, что «Сомнения» не повлияли ни на работы профессионалов (покрытковав выкладки Уолпула, те остались при своем мнении), ни на репутацию Ричарда в глазах читающей публики [Potter 1983: 175].

Попытаемся разобраться в этом вопросе подробнее. Для английской культуры Хорас Уолпул — знаковая фигура. Он не только создал жанр готического романа, но и ввел моду на «мрачное Средневековье». Англичане зачитывались

романами Уолпула, а аристократы по мере сил копировали его загородный дом в Стробиери-Хилл, который писатель с гордостью называл «готическим замком» [Walpole 1774: 1]. Маловероятно, что, преуспев во всем остальном, Уолпул не сумел популяризовать своего любимого исторического персонажа — короля, в полной мере соответствовавшего идеалам предромантизма.

Ил. 6. *Битва при Босворте. Гравюра. Неизвестный автор. 1750
Британский музей, Лондон. ВМ 1872,0413.219*

Fig 6. *The battle of Bosworth Field. Print made by Anonymous
1750. The British Museum, London. ВМ 1872,0413.219*

Книжные иллюстрации показывают, что прогресс в реабилитации Ричарда III имел место, причем очень заметный. Необходимо подчеркнуть: на всех без исключения гравюрах второй половины XVIII в. Ричард изображен не просто здоровым, но и вполне привлекательным мужчиной (ВМ 1874,1010.100; ВМ 1872,1109.117; ВМ 1957,0530.268; NPG D23820; NPG D23819). Сюжетные гравюры позволяют предположить, что в исследуемый период Ричарда III продолжали считать виновным в гибели племянников, печально знаменитых тауэрских принцев. Смерть сыновей Эдуарда IV изображали в точном соответствии с тюдоровским мифом — детей якобы удушили в постели (ВМ G3,EMDass; ВМ 1874,0110.250; ВМ 1896,0511.412). Еще одним популярным

сюжетом гравюр второй половины XVIII в. была битва при Босворте, в которой Ричард III потерял корону и жизнь. Большинство изображений такого рода показывало Ричарда не в лучшем свете. Можно увидеть и духов погибших по вине короля людей — по версии Шекспира, они явились к Ричарду в ночь перед сражением (BM 1868,0822.11965; BM 1843,0513.438), и бесконечно любимый тюдоровскими историками вымышленный сюжет — единоборство Ричарда III и Генриха VII (BM G3,EMDass.18; BM 1877,0609.1685), и издевательство над мертвым телом монарха (BM 1868,0822.2829; BM 1875,0508.1502). Однако встречаются и совершенно противоположные трактовки. На одной из гравюр из Британского музея Ричард III несется в атаку на белом коне, противники короля отступают, их лица искажены ужасом (BM 1872,0413.219) (ил. 6); более «ричардианский» взгляд на происходившее представить сложно.

Таким образом, иллюстративный материал дает возможность скорректировать традиционную точку зрения. В XVII–XVIII вв. образ Ричарда III в исторической памяти англичан существенно изменился. Между шекспировским горбуном и королем конца XVIII в. лежит настоящая пропасть; последний казался уже вполне обычным, хотя и не самым популярным государем. Думается, дело было не только в активности ричардианцев. Начало оправдания Ричарда III стало частью куда более широкого процесса принятия и реабилитации национального прошлого.

В шекспировской версии мифа о Войнах Роз одним из самых неприятных персонажей и главной виновницей гражданских войн была супруга Генриха VI Маргарита Анжуйская. Если прибавить к этому жестокость, злобу, супружескую неверность и владение «искусством проклинать» [Shakespeare 2009. Act IV, Scene 4], портрет «женщины с сердцем тигрицы» [Shakespeare 1990. Part III, Act I, Scene 4] будет полным.

В XVII–XVIII вв. не было написано ни одной исторической работы, специально посвященной этой королеве. В солидных обобщающих трудах ее образ оставался традиционно негативным [Trussell 1636: 191–196; Carte 1750 (2): 740]. Любопытно, что, как и в случае Ричарда III, научно-популярная и художественная литература демонстрировала совершенно иную тенденцию. В 1640 г. известный драматург и актер Томас Хейвуд включил биографию Маргариты в сборник жизнеописаний девяти самых достойных женщин в истории [Heywood 1641]. Девятка получилась весьма впечатляющей — три библейские героини (Дебора, Юдифь и Эсфирь); три язычницы (возглавившая восстание против римлян в 60-е годы I в. британская королева Боудикка, легендарная царица амазонок Пентесилея и правительница Галикарнаса Артемисия, 484–460); наконец, три христианки: королева Мерсии Этельфреда (870–918), Маргарита Анжуйская и Елизавета I Тюдор. Удивительно, что, повторив почти все «факты» тюдоровской версии биографии Маргариты (за исключением обвинения в супружеской неверности), Томас Хейвуд оценивал королеву совершенно иначе, чем историки середины — второй половины XVI столетия. Он не уставал восхищаться ее «храбростью и героическим духом» (*brave and heroic spirit*), благородством и несгибаемой волей [Ibid.: 159]. Особенно сильное впечатление производит рассказ о поражении войск Маргариты в битве при Тьюксбери и гибели ее единственного сына. Хейвуд утверждал, что хотя королева безмерно любила сына, больше, чем о его смерти, она сожалела, что

не может достойно отомстить своим врагам [Ibid.: 180]. Иными словами, в сочинении Хейвуда Маргарита остается шекспировской «тигрицей», но с точки зрения автора XVII в. власть, мужество и неукротимый нрав — это уже не недостатки, а достоинства.

Возможно, взгляды Хейвуда были не столь экзотичны, как это может показаться на первый взгляд. Очевидно, что главной из помещенных в сборнике биографий было жизнеописание Елизаветы I, чье царствование в значительной степени изменило представление о роли женщины в политике. По-видимому, стремление любой ценой сохранить трон для своих мужа и сына, за которое Маргариту яростно критиковали современники и ближайшие потомки, в XVII в. уже воспринималось несколько иначе.

Илл. 7. Королева Маргарита Анжуйская. Гравюра. Неизвестный автор
Конец XVII в. Национальная портретная галерея, Лондон. NPG D9406

Fig 7. Queen Margaret of Anjou. Print after unknown artist
Late 17th century. National Portrait Gallery, London. NPG D9406

Еще одной причиной смягчения образа Маргариты Анжуйской было французское влияние. Для французской культуры уроженка этой страны Маргарита была несчастной королевой, жертвой обстоятельств. В XVIII столетии на английский язык были переведены два французских романа —

«История памятных и необычайных бедствий Маргариты Анжуйской, королевы Англии» Мишеля Бодье [Baudier 1737] и книга знаменитого аббата Прево «История Маргариты Анжуйской, королевы Англии» [Abbe Prevost 1756]. Оба романа рисовали образ волевой и харизматичной женщины, вынужденной противостоять жестокой судьбе. Однако это была уже не «амазонка» из книги Томаса Хейвуда. И Бодье, и Прево подчеркивали женственность Маргариты, прославляли ее красоту и обаяние, наконец, описывали королеву как идеальную мать.

Разумеется, романы и исторические сочинения — вещи разные. Произведения художественной литературы вовсе необязательно должны были повлиять на образ Маргариты в исторической памяти. Попробуем обратиться к иллюстративному материалу. Применительно к Маргарите Анжуйской такой анализ особенно интересен. Дело в том, что не сохранилось ни прижизненных портретов королевы, ни ее словесных описаний, ни даже изображения ее гравюры XVI в. То есть художники не имели перед глазами образа и фиксировали на бумаге собственные представления о внешности этой государыни. Гравюры, иллюстрировавшие издания об истории Квинс-колледжа (NPG D9414; NPG D9406), показывают нам традиционный образ Маргариты — на зрителя свысока взирает волевая дама с развернутыми широкими плечами, крупными чертами лица и решительно сжатыми губами (ил. 7). Однако этот вариант был далеко не единственным.

Любопытно, что к визуальной реабилитации Маргариты оказался причастен уже упоминавшийся в данной статье Хорас Уолпул. Напомню, что мистер Уолпул страстно увлекался собиранием разных «древностей». Одной из его находок стала картина, которую он приобрел для своего собрания живописи в Струубери-Хилл. Современные исследователи условно называют ее «Свадьбой святого», поскольку над головой жениха неизвестный фламандский художник изобразил нимб [Flemish, Anonymous 1475–1500]. Ориентируясь на репутацию Генриха VI, неофициальный культ которого сформировался сразу же после смерти короля, а также на корону, украшавшую голову невесты, Уолпул посчитал, что перед ним венчание Генриха VI и Маргариты Анжуйской [Walpole 1765 (1): 37]. Нельзя не отметить, что невеста на картине разительно отличается от стереотипного образа Маргариты — это невысокая, изящная девушка; муж смотрит прямо на нее, а молодая супруга в смущении опускает взор.

Благодаря авторитету Уолпула этот «портрет» стал «эталонным» изображением королевы; в XVIII — первой половине XIX в. с картины было снято множество копий (только в собрании Британского музея есть шесть таких гравюр) (ил. 8). В том числе «Свадьба святого» послужила источником вдохновения для Роберта Деви, написавшего портрет Маргариты Анжуйской в 1775 г. [Davy 1775] (ил. 9). Маргарита Деви не просто молода и хороша собой (одно это уже противоречит темной легенде), она выглядит нежной и ранимой: высокий чистый лоб, печальный взгляд, роскошные кудри, наконец прелестный румянец вызывают симпатию и сочувствие. Глядя на это полотно, невольно представляешь Маргариту такой, какой ее описали Бодье и Прево, — жертвой злой судьбы и бесчестных могущественных врагов.

Ил. 8. Свадьба Генриха VI. Гравюра Чарльза Гриньона. 1762–1771
Британский музей, Лондон. ВМ 1868,0328.677

Fig 8. *Marriage of Henry 6th*. Print made by: Charles Grignion. 1762–1771
The British Museum, London. ВМ 1868,0328.677

Превращение Маргариты в романтическую героиню лучше всего иллюстрируют сюжетные гравюры. В XVIII в. художники охотно изображали встречу Маргариты Анжуйской и ее сына с разбойниками³. В фондах Британского музея таких гравюр шесть. Любопытно, что банальный грабеж запечатлен лишь на двух оттисках (ВМ 1874,1212.198; ВМ 1875,0814.1340). В четырех случаях сюжет разительно меняется: королева (кстати, молодая и красивая женщина) обращается к разбойнику с просьбой защитить ее маленького сына — законного короля Англии — и преступник преобразается в верного слугу короны (ВМ 1891,0511.148; ВМ У,4.149; ВМ 1868,0808.2833; ВМ 1858,1009.161) (ил. 10). При всей условности подобных умозаключений рискну предположить, что разбойник в данном случае может рассматриваться как индикатор общественного мнения; видимо, в XVIII столетии репутация Маргариты заметно укрепилась.

³ Если ограбление действительно имело место, это случилось во время бегства королевы в Уэльс летом 1460 г.

Ил. 9. *Маргарита Анжуйская. Холст, масло*
Портрет кисти Роберта Деви. 1775. Квинс-колледж, Кембридж

Fig 9. *Margaret of Anjou. Canvas, oil. Portrait by Robert Davy. 1775*
Queens' College, Cambridge

Важно отметить: нет оснований утверждать, что в XVII–XVIII вв. образы всех без исключения «героев» Войн Роз были существенно пересмотрены. Противоположную тенденцию демонстрируют представления о Ричарде, графе Уорике. И в XVI столетии, и в течение всего анализируемого периода его считали украшением рыцарства, идеалом «доброго лорда» и, наконец, всемогущим Создателем королей [Браун 2021]. Для полноты картины следовало бы проанализировать представления англичан об Эдуарде IV и Генрихе VI. На материале текстовых источников это будет сделано ниже, привлечение иллюстративного материала — задача для дальнейших исследований.

Перед тем как перейти к рассмотрению исторических сочинений XVII–XVIII вв., необходимо подчеркнуть — в рассматриваемый временной промежуток труды, посвященные непосредственно Войнам Роз, встречались исчезающе редко. Одним из немногих исключений стала «История гражданских войн в Англии» итальянского дипломата, писателя и историка Франческо Бьонди, написанная в 1637–1644 гг. Бьонди не раз выполнял дипломатические поручения Карла I, был его самым горячим сторонником и посвятил королю

свой труд. В Англии работа Бьонди пришлась настолько ко двору, что была переведена еще в рукописи и издана на три года раньше, чем в Италии [Potter 1983: 173].

Ил. 10. Королева Маргарита и разбойник. Гравюра Франческо Бартолоцци 1798. Британский музей, Лондон. ВМ 1868,0808.2833

Fig 10. *Queen Margaret and the robber. Print made by Francesco Bartolozzi. The British Museum, London. ВМ 1868,0808.2833*

Столь нетипичный для Британии интерес к сочинению иностранца объяснялся довольно просто. Представления Бьонди о конфликте Йорков и Ланкастеров стали прямым отражением его политических симпатий. Бьонди постоянно напоминал читателям, насколько жуткие последствия может повлечь за собой свержение с престола законного государя. В его «Истории» Генрих VI превратился в «святого страдальца» [Biondi 1641 (1, Part 2): 2–3], этот король не раз завуалированно сравнивался с Карлом I. Главными виновниками конфликта в интерпретации Бьонди были властолюбивые и бесчестные Йорки [Ibid.: 160–161], а также недостойное окружение Генриха VI, прежде всего речь шла о фаворитах короля [Ibid.: 139]. Любопытно, что антигерои Войн Роз в «Истории гражданских войн» и в тюдоровских хрониках одни и те же — это Ричард III и Маргарита Анжуйская. Образ Ричарда особенно колоритен:

«...обман, мошенничество, жестокость и предательство были теми средствами, которые он использовал: одного или двух из которых было достаточно для других людей, но они все служили ему» [Biondi 1641 (2): 113]. Необходимо отметить: Бьонди опирался на довольно ограниченный набор источников, а именно на тюдоровские хроники. Это было вполне типично для историографии XVIII в., нетрадиционным был выбор основного сочинения. Для «Истории» это малопопулярная в Британии работа Полидора Вергилия, который не только был соотечественником Бьонди, но и имел абсолютно аналогичные политические предпочтения (Вергилий поносил Йорков и прославлял Ланкастеров).

Стоит отметить, что в остальных исторических трудах XVII в. Войны Роз описаны в соответствии с традицией второй половины XVI столетия: династические права Йорков оценивались как справедливые, а Эдуард IV — как мудрый, благородный, рыцарственный и бесконечно любимый подданными государь [Trussell 1636; Habington 1640].

Интересный материал для анализа дает одно из самых известных исторических сочинений XVIII в., «Общая история Англии» Томаса Карта (1750). Внимание притягивает прежде всего необычное членение исторического материала по томам. Первый том «Общей истории» заканчивается смертью Иоанна Безземельного, второй — смертью Генриха VII. Это обстоятельство принципиально важно, так как в XVI — первой половине XVII в. было принято начинать новый период в истории Англии не с 1509, а с 1485 г., т. е. с воцарения Генриха VII, которое трактовалось как положившее конец междоусобных войн и давшее начало цветущей эпохи Тюдоров. Карт оценивал царствование Генриха VII как переходную эпоху, что очень близко к современным трактовкам.

Необходимо отметить еще одну новацию — сужение хронологических рамок Войн Роз до 1450–1485 гг. [Carte 1750 (2): 738–739]. То есть началом беспорядков для Карта является восстание Джека Кэда, а концом — Битва при Босворте. Верхняя граница конфликта здесь та же, что и в тюдоровской историографии, а вот нижняя весьма показательна. Карт видит причину Войн Роз вовсе не в узурпации власти первым королем из династии Ланкастеров в далеком 1399 году. Он полагал, что, хотя отдаленным последствием переворота стало преимущественное право Йорков на престол, вооруженный конфликт разразился исключительно по вине Маргариты Анжуйской. «Зависть и козни» королевы вынудили «первого дворянина Англии и законного наследника короны» Ричарда Йорка взяться за оружие [Ibid.: 740]. Иными словами, если бы Маргарита не захватила фактическую власть и не лишила бы Йорка принадлежащих ему по закону придворных должностей, права этого дома на престол никогда бы не были предъявлены.

Кроме того, в «Истории» изменилась общая оценка Войн Роз. Указанный период прошлого описан как крайне неприятное смутное время, но это уже не самые ужасные годы в истории Британии. «Первое место» вполне логично перешло к политическим неурядицам XVII столетия.

Нельзя не отметить, что в характеристиках основных политических игроков Карт очень близок к тюдоровскому мифу (не будем забывать о том, что основными источниками для его рассказа о Войнах Роз послужили хроники

Холла и Холиншеда). Йорки описаны в самых восторженных выражениях, законность их воцарения всячески подчеркивалась. Карт отмечал, что «хотя Ричард [Йорк] не был коронован (...) однако акт парламента сделал его истинным, законным королем Англии» [Carte 1750 (2): 758]. Сын герцога Йорка Эдуард еще до его восшествия на трон именуется ЭДУАРДОМ ПЛАНТАГЕНЕТОМ (прописными в оригинале) [Ibid.: 759]. По мнению Карта, все англичане восхищались Эдуардом и считали его идеальным государем. В то же время автор «Общей истории» был крайне негативно настроен по отношению к родственникам супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвилл и яростно осуждал этот «неразумный» брак [Ibid.: 775].

Однако появляются и существенные отличия. Карт резко расходился с традиционной концепцией Войн Роз в оценке Генриха VI; в «Общей истории» создан крайне нелестный образ этого короля. Томас Карт открыто писал о безумии Генриха (до него историки в основном обходились намеками и иносказаниями) и прямо заявлял, что, даже будучи в здравом рассудке, этот монарх не управлял государством. Сначала от его имени этим занимались опекуны, затем фаворит короля граф Саффолк, а потом фактическая власть перешла к амбициозной и недальновидной Маргарите Анжуйской [Carte 1750 (2): 724, 746]. Политическая подоплека такой позиции очевидна — к середине XVIII в. представления об идеальном государе заметно поменялись. Во времена Карта исключительное благочестие Генриха VI уже не вызывало большого уважения, а фаворитизм и пренебрежение государственными делами делали Генриха похожим на неудачливых королей XVII в., чье правление привело к серьезным политическим потрясениям.

Заметный вклад в изменение представлений о конфликте Йорков и Ланкастеров внес самый читаемый и знаменитый историк XVIII в. — Дэвид Юм. Необходимо подчеркнуть: именно в его «Истории Англии» впервые появилось ставшее впоследствии общеупотребительным словосочетание «Войны Роз». Он писал: «... эти гражданские войны были известны во всей Европе как война двух роз» [Hume 1983 (2): 293].

Юм продолжил начатую Картом реабилитацию конфликта Йорков и Ланкастеров — эта эпоха описана в «Истории» очень спокойно, как череда досадных, но не катастрофических неурядиц. Точно так же, как и Карт, Юм полагал, что бедствия XVII в. далеко превзошли то, что происходило в Англии двумя столетиями ранее, а эпоху беспорядков стоит ограничить 50–80-ми годами XV в. [Hume 1983 (2): 274–275].

Характеристики главных героев этой грандиозной исторической драмы в работах Томаса Карта и Дэвида Юма почти совпадают. Юм был явным йоркистом, его кумиром стал Ричард Йорк. В частности, в «Истории» много говорится о военных успехах герцога Йорка во Франции в последние годы Столетней войны. Юм с сожалением отмечал, что эти подвиги недооценены потомками [Hume 1983 (2): 266]. Как и следовало ожидать, портреты Ланкастеров получились весьма неприглядными. О Генрихе VI Юм высказался еще откровеннее, чем его предшественник. Он писал: «Мягкость его [Генриха VI] нрава и слабость рассудка делали очевидным, что им всегда будут управлять те, кто его окружают» [Ibid.: 268]. Юм полагал, что даже в выборе невесты этот король был абсолютно несамостоятелен — Генрих принял сторону своего

наставника герцога Берфорда не потому, что брак с Маргаритой показался ему более выгодным или сама невеста более привлекательной, он лишь подчинился воле того, кто уже долгие годы фактически управлял Англией [Ibid.: 269].

Пожалуй, единственное, в чем Дэвид Юм не был вполне согласен с Томасом Картом, — это интерпретация образа Маргариты Анжуйской. В «Истории Англии» королева осталась необычайно властной, энергичной и жесткой особой, однако Юм подчеркивал, что ее вмешательство в политику было вынужденной реакцией на происходящее; королеву во многом оправдывало то, что она боролась за права мужа и сына [Hume 1983 (2): 290–291].

* * *

Подведем итоги. Проведенный в данной статье анализ сложно назвать исчерпывающим. Тем не менее уже на этапе работы с хрестоматийными историческими сочинениями XVII–XVIII вв. и ограниченным иллюстративным материалом стало ясно — британские историки, не обращающиеся к работам указанного периода при анализе представлений о Войнах Роз, во многом правы. В XVII–XVIII вв. о конфликте Йорков и Ланкастеров писали крайне мало; более того, за редчайшим исключением авторы опирались на хроники тюдоровской эпохи. То есть с точки зрения чистой науки говорить о прогрессе в изучении политической истории XV в. вряд ли возможно.

И все же в XVII–XVIII вв. интерпретация Войн Роз существенно изменилась. Эта трансформация стала результатом воздействия внеученных факторов — нового политического дискурса и иных мировоззренческих установок.

Что же отличало взгляды историков XVII–XVIII вв. от тюдоровского мифа? Прежде всего вторую половину XV в. перестали считать самым ужасным и кровавым временем в истории Англии. Причин, по которым это произошло, несколько. С прекращением династии Тюдоров интерпретация Войн Роз перестала быть политически значимой. Сыграло свою роль удлинение исторической дистанции. Но главным образом переоценка эпохи была вызвана сравнением этого конфликта с гораздо более масштабным политическим кризисом — английской революцией.

Кроме того, менялось представление о длительности периода политической нестабильности. Уже в XVIII столетии (а не в XIX, как это обычно принято считать) конфликт Йорков и Ланкастеров стали ограничивать 1450–1480-ми годами. Нельзя забывать и о том, что именно XVIII в. подарил нам привычное словосочетание «Война Роз».

Наконец, заметно изменились оценки участников конфликта. Необходимо подчеркнуть, что образы королей и аристократов менялись не в результате новых исторических изысканий (ими занимались лишь сторонники Ричарда III, и то в весьма ограниченном объеме). Характеры и политику героев Войн Роз подгоняли под шкалу ценностей XVII–XVIII вв. В большинстве случаев изменения оказывались позитивными, что неудивительно, учитывая начавшийся процесс реабилитации национального прошлого. К концу XVIII в. главные антитегерои тюдоровской эпохи (Ричард III и Маргарита Анжуйская) были уже в значительной степени оправданы. Положительными персонажами оставались Ричард Йорк, Эдуард IV и Создатель королей Уорик. Зато Генрих VI превратился в отрицательную фигуру; историки критиковали его за несамостоятель-

ность, неспособность управлять государством и фаворитизм, т. е. осуждались качества, которые англичане XVII–XVIII вв. меньше всего хотели бы видеть в носителе верховной власти.

Таким образом, трансформация образов Войн Роз в исторической памяти англичан была плавной, а не прерывистой. Изменения XVII–XVIII вв. подготавливали почву для дальнейшей эволюции взглядов историков и стали фундаментом для построений исследователей XIX в.

Источники

- Abbe Prevost 1756 — The history of Margaret of Anjou, queen of England / Trans. from the French of the Abbe Prevost: In 2 vols. Dublin: Printed for G. Faulkner, and R. James, 1756.
- Baudier 1737 — *Baudier M.* An history of the memorable and extraordinary calamities of Margaret of Anjou, Queen of England. London: Printed by James Bettenham, for G. Strahan, 1737.
- Biondi 1641 — *Biondi F., Sir.* An history of the civill warres of England, betweene the two Houses of Lancaster and Yorke: In 2 vols. London: T. H. and I. D. for John Benton, 1641.
- Buck 1647 — *Buck G., Sir.* The history of the life and reign of Richard III. London: Printed by W. Wilson, 1647.
- Carte 1750 — *Carte T.* General history of England: In 4 vols. London: Printed for the AUTHOR at his house in Dean's Yard, Westminster, 1750.
- Davy 1775 — *Davy R.* Margaret, wife of King Henry the VIth, 1775, oil on canvas. Queens' College. Cambridge.
- Flemish, Anonymous 1475–1500 — *Flemish, Anonymous.* Marriage of a Saint, about 1475–1500, oil on wood panel. Toledo Museum of Art. Toledo, Ohio.
- Fuller 1655 — The church-history of Britain from the birth of Jesus Christ until the year M.DC. XLVIII endeavoured by Thomas Fuller. London: Printed for Iohn Williams, 1655.
- Habington 1640 — *Habington Th.* Historie of Edward the Fourth, King of England. London: Printed by Tho. Cotes, for William Cooke, 1640.
- Heywood 1641 — *Heywood Th.* The exemplary lives and memorable acts of nine the most worthy women in the world. London: Printed by Tho. Cotes, for Richard Royston, 1641.
- Hume 1983 — *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: In 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983.
- Portrait 1516 — Portrait of Richard III by unknown artist. About 1516, oil on wood panel. Society of Antiquaries. London.
- Portrait 1520 — Portrait of Richard III by unknown artist. About 1520, oil on canvas. Royal Collection, London.
- Scott 1829 — *Scott W.* Anne of Geierstein; or, The Maiden of the Mist. Edinburgh: Cadell and Co, 1829.
- Shakespeare 1990 — *Shakespeare W.* Henry VI. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. (The New Cambridge Shakespeare).
- Shakespeare 2009 — *Shakespeare W.* Richard III. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. (The New Cambridge Shakespeare).
- Trussell 1636 — *Trussell J.* A continuation of the Collection of the History of England. London: John Haviland and Robert Young, 1636.
- Walpole 1765 — *Walpole H.* Anecdotes of painting in England: In 3 vols. Strawberry-Hill: Thomas Kirgate, 1765.

Walpole 1768 — *Walpole H.* Historic doubts on the life and reign of King Richard the Third. London: Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768.

Walpole 1774 — *Walpole H.* A description of the villa of Horace Walpole: Youngest son of Sir Robert Walpole Earl of Orford, at Strawberry-hill, near Twickenham. With an inventory of the furniture, pictures, curiosities, &c. Strawberry-hill: Thomas Kirgate, 1774.

Литература

Браун 2016 — *Браун Е. Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Браун 2021 — *Браун Е. Д.* История или политика? Уорик Создатель Королей в исторической памяти англичан // Политика истории: К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат / Отв. ред. М. С. Бобкова. М.: ИП Смирнова М. А., 2021. С. 68–83.

Carson 2018 — *Carson A.* Richard III — A small guide to the great debate. Leicester: Troubador Publishing Ltd, 2018.

Green 1878 — *Green J. R.* A short history of English people. New York: Harper & Brothers, 1878.

Grummitt 2014 — *Grummitt D.* A short history of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris, 2014.

Hanham 1975 — *Hanham A.* Richard III and his early historians, 1483–1535. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Kendall 1965 — *Kendall P. M.* Richard III: The great debate. New York: W. W. Norton, 1965.

Levy 1967 — *Levy F. J.* Tudor historical thought. San Marino: Huntington Library, 1967.

Markham 1968 — *Markham C.* Richard III — his life and character. Portway-Bath: Portway Press, 1968.

Murph 1977 — *Murph R. C.* Richard III: The making of a legend. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1977.

Pollard 2013 — *Pollard A. J.* The Wars of the Roses. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Potter 1983 — *Potter J.* Good King Richard? An account of Richard III and his reputation, 1483–1983. London: Constable, 1983.

Stubbs 1897 — *Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development: In 3 vols. Oxford: Clarendon Press, 1897.

Сокращения

BM — British Museum, London. Official website. URL: <https://www.britishmuseum.org>.

NPG — National Portrait Gallery, London. Official website. URL: <https://www.npg.org.uk>.

References

Braun, E. D. (2016). *Voiny Roz: Istoriia. Mifologiya. Istoriografiia* [Wars of the Roses: History. Mythology. Historiography]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Braun, E. D. (2021). Istoriia ili politika? Uorik Sozdatel' Korolei v istoricheskoi pamiati anglichan [History or politics? Warwick the Kingmaker in British historical memory]. In M. S. Bobkova (Ed.). *Politika istorii: K 70-letiiu doktora istoricheskikh nauk Mariny Pavlovny Aizenshtat* (pp. 68–83). IP Smirnova M. A. (In Russian).

Carson, A. (2018). *Richard III — A small guide to the great debate*. Troubador Publishing Ltd.

Green, J. R. (1878). *A short history of English people*. Harper & Brothers.

Grummitt, D. (2014). *A short history of the Wars of the Roses*. I. B. Tauris.

- Hanham, A. (1975). *Richard III and his early historians, 1483–1535*. Clarendon Press.
- Kendall, P. M. (1965). *Richard III: The great debate*. W. W. Norton.
- Levy, F. G. (1967). *Tudor historical thought*. Huntington Library.
- Markham, C. (1968). *Richard III — his life and character*. Portway Press.
- Murph, R.C. (1977). *Richard III: The making of a legend*. Scarecrow Press.
- Pollard, A. J. (2013). *The Wars of the Roses*. Palgrave Macmillan.
- Potter, J. (1983). *Good King Richard? An account of Richard III and his reputation, 1483–1983*. Constable.
- Stubbs, W. (1897). *The constitutional history of England in its origin and development (3 Vols.)*. Clarendon Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Елена Давыдовна Браун

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ braun-helen@yandex.ru*

Elena D. Braun

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department of
General History, Institute of Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ braun-helen@yandex.ru*